

Клады чернолесской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи

Keywords: The hoards, Cernyi Les culture, Ukrainian Forest-Steppe.

Cuvinte cheie: depozite, cultura Chernyi Les, silvostepa ucraineană.

Ключевые слова: клады, чернолесская культура, украинская Лесостепь.

Sergei Skoryi, Iurii Kostenko, Vsevolod Boriak

The hoards of Cernyi Les culture in the north of Dnieper's Forest-Steppe Terrace

The article is consecrate to the publication of two hoards of Cernyi Les culture. They were found by chance in the north part of Dnieper's Forest-Steppe Terrace. The hoards consist of 34 bronze objects (decorations, details of horse equipment, tools) and, considering their quantity, are the most representative artifacts of this category belonging to Cernyi Les culture. The artifacts have different dates starting, at least, with the 10th century BC, but time of placing of them in earth approximately belongs to 8th century BC that is determined by the date of most late find.

Sergei Skoryi, Iurii Kostenko, Vsevolod Boriak

Depozite atribuite culturii Chernyi Les în nordul silvostepi de terasă a Niprului

Articolul este consacrat publicării a două depozite aparținând culturii Chernyi Les. Ele au fost descoperite fortuit în regiunea de nord a silvostepi de terasă a Niprului. Depozitele includ 34 piese de bronz (podoabe, piese de harnașament, unelte) și sunt, cantitativ, cele mai reprezentative artefacte din această categorie în cultura Chernyi Les. Obiectele au diverse datări, începând, cel puțin, din sec. X î.e.n., însă au fost îngropate aproximativ în sec. VIII î.e.n., după datarea celei mai târzii piese.

Сергей Скорый, Юрий Костенко, Всеволод Боряк

Клады чернолесской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи

Статья посвящена публикации двух кладов чернолесской культуры. Они случайно обнаружены в северной части Приднепровской Террасовой Лесостепи. Клады состоят из 34 бронзовых предметов (украшения, детали конского снаряжения, орудия труда) и являются наиболее представительными по количеству памятниками этой категории в чернолесской культуре. Вещи имеют разные даты, по крайней мере, с X в. до н.э., но время размещения их в земле ориентировочно относится к VIII в. до н.э., что определяется датой наиболее поздней находки.

Совокупность металлических предметов, относящихся ккладам, т.е. преднамеренно спрятанным, в том числе в земле, предметам, в ареале чернолесской культуры, на территории украинской Лесостепи, встречается вовсе не часто. Достоверно мы знаем лишь семь подобных случаев¹. Пять кладов обнаружены в Днепровском Лесостепном Правобережье, в бассейне р. Тясмин, на Черкасщине. Один из них в 1946 г. у с. Залевки Смелянского р-на (Залевкинский

клад) [Tret'iakov 1949, 230, 238, рис. 7], и четыре на известном Суботовском городище, у с. Суботов Чигиринского р-на; один – в 1910 г. [Lysenko 2004, 256], два – в 1955 г. [Terenzhkin 1961, 159, рис. 105,8; рис. 106,6-7; 1976, 82, рис. 51; Lysenko 2004, 256-257, рис. 2], ещё один – в 1971 гг. [Terenzhkin 1976, 82-83, рис. 49-52; Lysenko 2004, 258, рис. 3]. Все они в основном близки по времени и относятся, по периодизации А.И. Тереножкина, ко второй ступени чернолесской культуры. Шестой клад, в медном(?) котле был найден на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи, вблизи г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области, в 1886 г. [Kovranenko 1967, 47-48, рис. 19,8-11]. Наконец, ещё один клад обнаружен в Среднем Поднестровье, у с. Мошанец Кельменецкого р-на Черновицкой области в 1991 г. Он относится, по мнению авторов статьи, к IX – первой половине VIII вв. до н.э. и со-

1. Когда настоящая статья уже была полностью подготовлена к печати, нам стало известно об открытии ещё одного клада чернолесской культуры в Среднем Поднестровье (юг Киевской области). Он включает следующие бронзовые изделия: шесть браслетов (четыре – плоских овальных суботовского типа, два – проволочных пружинных многовитковых, один с концами в виде спиралей), 15 восьмёрковидных блях, 14 трубковидных пронизей, две круглые тонкие бляхи. Вещи, судя по всему, были обнаружены в горшке чернолесской культуры. Клад хранится в частной коллекции.

ответствует первой ступени чернолесской культуры, или черногородовской группе степных предскифских (киммерийских) древностей, по периодизации А.И. Тереножкина [Smirnova, Voinarovs'kii 1994]. Однако есть и иное мнение о более позднем времени этого клада, а именно VIII в. до н.э. или даже конец указанного столетия [Erlikh 2005, 170-171]².

Совсем недавно перечень подобных памятников пополнился ещё двумя кладами бронзовых изделий, обнаруженными в сентябре и декабре 2015 г. краеведом В.В. Боряком, с помощью металлодетектора, южнее с. Леляки Барышевского р-на Киевской обл., что соответствует северной части Приднепровской Террасовой Лесостепи³.

Местоположение кладов. Точные ориентиры

Оба клада найдены неподалёку от полевой дороги, тянущейся, от леса, параллельно р. Трубезь, в сторону с. Козлов Переяслав-Хмельницкого р-на. Эта дорога в свою очередь ответвляется от просёлочной грунтовой дороги, ведущей из с. Волчков Переяслав-Хмельницкого р-на в с. Семёновка Барышевского р-на Киевской области. Расстояние до первого места находки по полевой дороге, от ответвления от упомянутой просёлочной дороги, 1400 м.

Поле, на котором найдены клады, представляет собой задернованную песчаную возвышенность, в заплаве, между р. Трубезь и его левым притоком – р. Выбла (рис. 1). Место находки первого клада расположено в 40 м к ЮВ от упомянутой полевой дороги, ориентир по JPS: N 50°13'03.4", E 031°31'01.08". Предметы в переплетённом состоянии находились на глубине 10-20 см, по сути, в дерновом супесчаном слое, и представляли собой кельт и шесть украшений: два целых проволочных пружинных браслета и четыре целых пластинчатых браслета (рис. 2). Ёмкости, в которой находились первоначально вещи, не выявлено. Скорее всего, ею мог быть

Рис. 1. Места обнаружения кладов чернолесской культуры и случайных находок браслетов суботовского типа в бассейне р. Трубезь.

Fig. 1. Places of discovering hoards of Cernyi Les culture and accidental finds of Subotovskiy type bracelets in the basin of the Trubezh river.

небольшой мешочек.

Группа предметов второго клада располагалась в 53 м к ЮВ от названной полевой дороги и в 40 м к СВ от первого места находки. Ориентир по JPS: N 50°13'03.0", E 031°31'03.9". Бронзовые изделия встречены на несколько большей глубине – 30-40 см. Здесь кучно располагались два псаля, бляшки от конской упряжи, целый и деформированный пластинчатые браслеты, два обломка таких же украшений, два слитка бронзы. Остальные вещи фиксировались в радиусе 1,0-15 м от этого места находки, что, несомненно, связано с их перемещением плугом по полю, в процессе вспашки. Это хорошо подтверждается состоянием отдельных предметов. Интересна наход-

2. Сходные соображения высказали и среднеевропейские исследователи, см. библиография: [Erlikh 2005, 170-171].

3. В настоящее время данные находки готовятся для передачи в фонды Института археологии НАН Украины.

Рис. 2. Бронзовые изделия из клада № 1: 1-4 – пластинчатые овальные браслеты суботовского типа; 5,7 – проволочные пружинные браслеты; 6 – кельт.

Fig. 2. Bronze pieces from hoard Nr. 1: 1-4 – plate oval bracelets of Subotovskiy type; 5,7 – wire spring bracelets; 6 – socket axes.

ка целого, слегка помятого, многovitкового пружинного браслета, на расстоянии 11 м к В от места скопления предметов клада, на глубине 0,25-0,30 м. Ориентир по JPS: N 50°13'03.0", E 031°31'04.3" (рис. 14,1; 15,2). Вероятно, предметы этого клада также первоначально были помещены в какую-то ёмкость из органического материала, поскольку никаких обломков керамики в районе расположения вещей не обнаружено.

Второй клад намного представительнее первого по количеству предметов и их составу. Он включал украшения – бронзовые браслеты, пластинчатые (пять целых или деформированных, и обломки ещё от четырех), проволочные пружинные многovitковые браслеты (два экз.), два проволочных с незамкнутыми концами, подвески (пять экз.), детали конского снаряжения – псалии (два экз.), бляхи (три экз.) от конской уздечки, а также долото, фрагмент предмета неясного назначения и два небольших слитка бронзы. Иными словами, от

клада сохранилось 27 предметов, хотя полной уверенности в том, что это все вещи, входившие в его состав, разумеется, нет.

Бронзовые предметы в момент обнаружения были покрыты коррозией и впоследствии подвергнуты чистке и реставрации⁴. В целом, оба клада включают 34 предмета, и это – наиболее представительные памятники чернолесской культуры, относящиеся к данной категории.

Описание находок

Поскольку в состав обоих кладов входит ряд одинаковых предметов чернолесской культуры, прежде всего – литые пластинчатые и кованые пружинные браслеты, можно а priori считать их синхронными и рассматривать совместно, по функциональным категориям. При этом вполне логично начать описание и анализ находок с наиболее многочисленной категории предметов – украшений, включающих браслеты, пластинчатые и проволочные, а также подвески.

Украшения. Браслеты

Пластинчатые широкие браслеты суботовского типа с рельефным орнаментом

Всего найдено 14 браслетов, целых или сохранившихся на большую часть длины, а также ряд фрагментов. Пять экземпляров сохранились полностью, два из них помяты частично плугом при вспашке. Три браслета были переломаны и впоследствии реставрированы. Один экземпляр сильно деформирован, но его также удалось восстановить почти целиком. Наконец, ещё пять браслетов представлены отдельными фрагментами и не подлежат восстановлению. Несомненно, наличие обломков среди находок пластинчатых браслетов также может быть объяснено следствием воздействия плуга.

Браслеты могут быть разделены на две группы – *овальные* (11 целых и фрагментиро-

4. Реставрация предметов клада осуществлена А.И. Калашником (Институт археологии НАН Украины). Рисунки вещей, представленные в данной статье, осуществлены до их реставрации. По этой причине возможны минимальные расхождения между обмерянными реставрированными предметами и представленными на иллюстрациях.

ванных экземпляров) и *круглые* (три экземпляра, два из которых целые, и два фрагмента третьего). Отливались они по восковой модели. Пластинчатые браслеты суботовского типа, с рельефным орнаментом, являются одним из ярких маркёров чернолесской культуры [Terenozhkin 1952, 90-94; 1954, 102; 1961, 160-166; Gershkovich 2003, 43-46; 2008, 38; Lysenko 2004, 255; Poltavets 2009, 27; 2013, 199; Bessonova 2015, 171].

Все *овальные* браслеты изготавливались в виде пластины, а затем им механическим путём придавали необходимую форму. Некоторые из них имели незамкнутые концы, застёгивающиеся с помощью гвоздевидного стержня с одной стороны, который вставлялся в отверстие выпуклой дисковидной бляшки на другой стороне. Но большинство соединялись внахлёт (место соединения покрыто круглым щитком), имея на противоположной стороне цельнолитой кружок в виде грибка на низкой ножке. Указанные округлые выпуклые щитки (или бляшки грибовидной формы), как бы, входили в систему рельефного орнамента браслета.

По характеру расположения орнамента на пластине браслеты составляют два типа:

Тип 1. Рельефный орнамент у них выходит за пределы пластины браслета. Такие экземпляры в публикуемыхкладах представлены наибольшим количеством: пять целых (или условно целых) браслета и большие фрагменты ещё, как минимум, от четырех экземпляров. Широкая пластина браслета украшена двумя весьма сходными композициями рельефного орнамента, разделёнными двумя круглыми выпуклыми щитками, каждая из которых включает по девять равновеликих или отличающихся по диаметру спиралей, сгруппированных по три, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, перпендикулярно пластинке браслета.

У одного из браслетов упомянутый орнамент не имеет каких-либо дополнительных деталей (*вариант 1*). Сохранность браслета хорошая, орнамент чётко выражен. Браслет отлит тщательно, внутренняя поверхность заполирована. Размеры браслета 10,2х6,7, ширина пластины 1,7, с учётом выступающих спиралей – 3,1 см. Толщина пластины 0,1 см (рис. 3,1; 5,1).

У иных браслетов между центральными

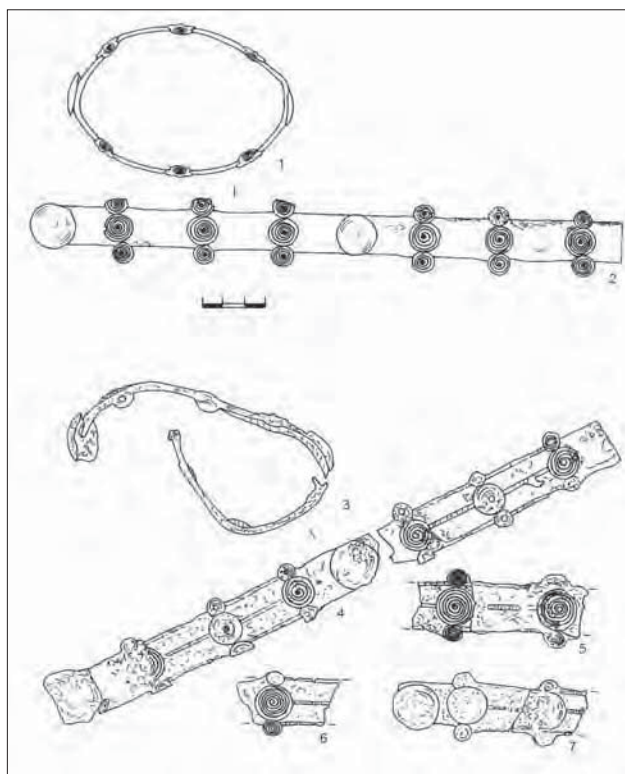

Рис. 3. Пластинчатые овальные браслеты 1-го типа: 1-2 – первый вариант; 3-7 – второй вариант.

Fig. 3. Plate oval bracelets of the first type: 1-2 – first version; 3-7 – second version.

спиралями каждой тройки и по краям пластины браслета, в районе композиций – рубчатые кантики (*вариант 2*). К этому варианту относятся три браслета, два из которых были переломаны плугом, но восстановлены, и шесть фрагментов от третьего экземпляра (рис. 3,4-7). Один из браслетов, массивный, реставрированный (был слегка сжат ударом плуга), имеет длину до 12,6, при ширине пластины 2,6, с учётом выступающих спиралей – 3,5 см. Толщина пластины 0,15 см. Орнамент чётко выражен, браслет отлит тщательно, с внутренней стороны поверхность заполирована (рис. 4; 5,2). Второй браслет, сильно деформированный (плугом?) отлит крайне небрежно, орнамент не отличается чёткостью, края спиралей в трёх случаях загнуты, с внутренней стороны следы полировки отсутствуют и хорошо видны неубранные наплывы металла. По-видимому, этот экземпляр является производственным браком. Сохранился в длину на 12,2, ширина пластины 2,2, с учётом выступающих спиралей – 3,0-3,1 см. Толщина пластины 0,1 см (рис. 3,3). Судя по шести обломкам

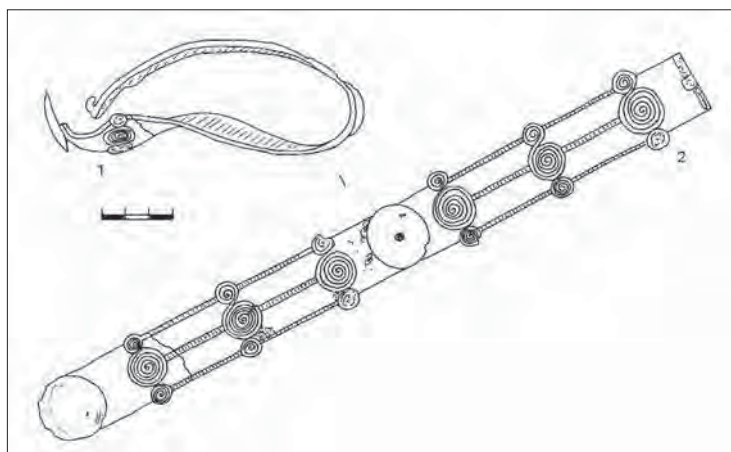

Рис. 4. Пластинчатый овальный браслет 1-го типа, 2-го варианта.

Fig. 4. Plate oval bracelets of the first type: 1 – first version; 2 – second version.

третьего браслета этого варианта, он довольно долго носился, поскольку спирали орнамента основательно затёрты. На металле просматриваются следы воздействия огня. Ширина браслета 2,0-2,2, с учётом выступающих спиралей – 3,5, толщина 0,1 см (рис. 3,5-7).

Третий вариант представлен двумя, по сути, идентичными по внешнему виду, массивными браслетами, в орнаментальном поле которых, на кантиках между центральными спиралями, располагаются дополнительные спирали маленького диаметра. Оба экземпляра сохранились полностью, но в разной степени помяты при вспашке плугом. Сохранность орнаментов неодинакова: одни спирали видны чётко, иные – не столь выразительно, что, вероятно, объясняется долговременностью ношения этих украшений. У одного из браслетов – застёжка в районе дисковидной бляшки (рис. 6,1; 7,1), у другого концы запаены наглухо (рис. 6,2; 7,2). Размеры браслетов (по наименее помятому экземпляру): 11х8, ширина пластины – 2,2-2,3, с учётом выступающих спиралей – 4,0-4,1 см. Толщина пластины 0,1 см. Внутренняя сторона браслетов тщательно заполирована. Несомненно, браслеты этого варианта отлиты в одинаковых формах.

Наконец, у трёх браслетов, также идентичных по оформлению, маленьких спиралей в цен-

тре композиции нет, но они заменены небольшими кружочками, составляющими горизонтальные линии между центральными спиралями орнамента (вариант 4). Украшения поломаны, по-видимому, плугом, их части имеют рваные края. От одного браслета сохранилось два довольно больших фрагмента. Орнамент на них виден довольно чётко. Ширина полосы браслета 2,0, с учётом выступающих спиралей – 3,5-3,6 см. Толщина пластины 0,1 см. Обратная сторона в определённой степени заполирована

(рис. 8,1-2; 9,2). На одном из фрагментов видны следы воздействия огня. Второй браслет представлен двумя фрагментами, которые удалось склеить. Этот браслет шире первого: 2,2, а при учёте выступающих спиралей – 3,6-3,7 см. На сохранившейся части браслета – участок композиции в виде двух совокупностей спиралей, одна из которых сохранилась чётко, вторая достаточно затёрта. Внутренняя сторона браслета хорошо заполирована (рис. 9,3). Третий браслет представлен четырьмя фрагментами. Орнамент на них – крайне невыразителен, затёртый или неудачно пролитый. Ширина браслета 1,8-2,0, с учётом выступающих спиралей – 3,2-3,3 см. Толщина пластины 0,1 см (рис. 9,4). На браслете –

Рис. 5. Пластинчатые овальные браслеты 1-го типа: 1 – первый вариант; 2 – второй вариант.

Fig. 5. Plate oval bracelets of the first type: 1 – first version; 2 – second version.

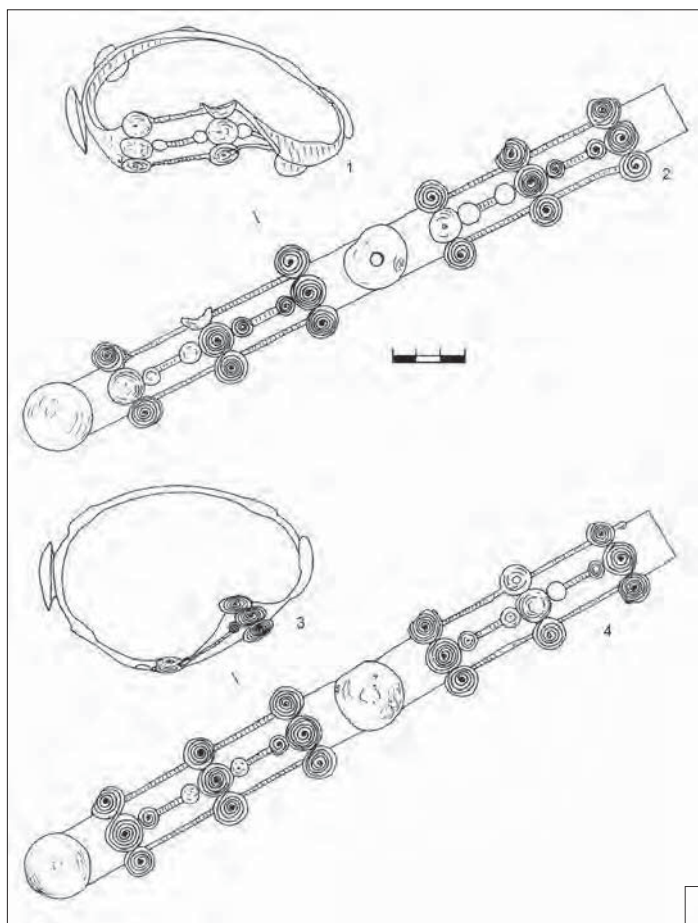

Рис. 6. Пластиначные овальные браслеты 1-го типа, 3-го варианта.

Fig. 6. Plate oval bracelets of the first type, the third version.

следы сильного воздействия огня.

Таким образом, в рамках упомянутого типа выделяются четыре, в определённых деталях отличающихся, варианта браслетов.

Довольно близкая аналогия орнамента на браслете первого варианта известна из Ржищева Киевской области (Киевское Поднепровье), хотя этот экземпляр – круглый, а не овальный [Terenzhkin 1952, 93, ris. 28,6].

Аналогии второму варианту – фрагмент браслета из с. Хмельна Каневского р-на (Поросье), судя по всему, из трупосожжения, поскольку подпорчен огнём [Terenzhkin 1961, 163, ris. 110,3; 166]. Аналогии третьему варианту – браслет, найденный в районе Канева (Поросье) и обломок беспаспортного браслета, изданного А.И. Тереножкиным [Terenzhkin 1952, 93, ris. 28,9; 1961, 163, ris. 110,6]. Прямые аналогии четвёртому варианту браслетов – с

горизонтальными линиями из маленьких кружочков между строенными вертикальными спиралями – пока нам не известны.

Тип 2. Браслеты, у которых рельефный орнамент не выходит за пределы пластины. В нашем распоряжении всего лишь два таких браслета (один из которых сохранился целиком, другой – склеен), достаточно отличающихся по рельефному орнаменту, что позволяет выделить их в два варианта.

Вариант 1. Широкая пластина браслета украшена двумя одинаковыми композициями, разделёнными круглыми выпуклыми щитками. Каждая композиция состоит из трёх групп находящихся на равном расстоянии выпуклых кантиков, расположенных вертикально, поперёк пластины браслета, и ограниченных с двух сторон линиями маленьких кружков. Между указанными группами кантиков – по три кружка: в центре большего размера, по краям – меньшего. Размеры браслета:

Рис. 7. Пластиначные овальные браслеты 1-го типа, 3-го варианта.

Fig. 7. Plate oval bracelets of the first type, the third version.

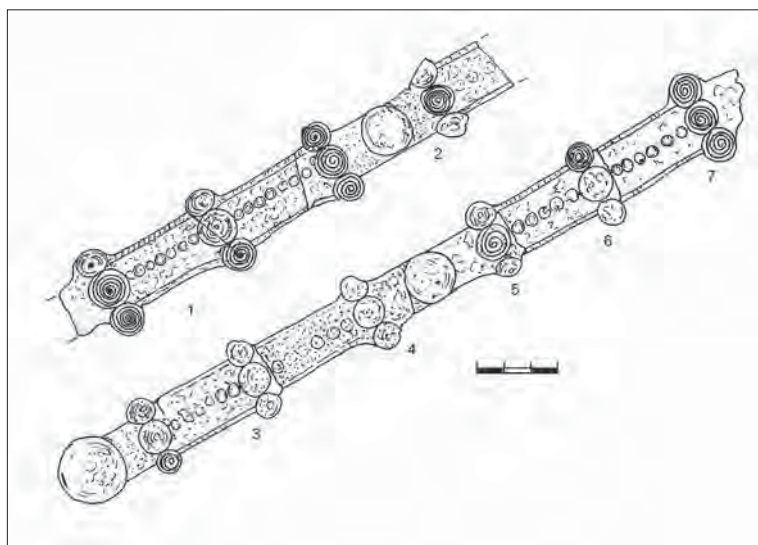

Рис. 8. Фрагменты пластинчатых овальных браслетов 1-го типа, 4-го варианта.

Fig 8. Fragments of plate oval bracelets of the first type, fourth version.

10x6 см. Ширина пластины 2,2, толщина до 0,2 см. Браслет отлит довольно тщательно, рельефный орнамент просматривается чётко, внутренняя сторона украшения заполирована. Браслет застёгивался на руке с помощью гвоздевидного стержня, соединённого с круглой грибовидной головкой (рис. 10,1-2; 11,1).

Известен ряд браслетов, близких, но не идентичных по орнаменту данному экземпляру, например, из с. Бобрица Каневского р-на Черкасской области (Поросье) [Terenozhkin 1952, 94, ris. 29,1], с. Стретовка Ржищевского р-на и с. Лука Таращанского р-на Киевской области (Киевское Поднепровье) [Terenozhkin 1952, 93, ris. 28,2; 92, ris. 28,2]. Отличия весьма незначительны: на упомянутых браслетах поперечные кантики – из маленьких окружностей одного диаметра.

Вариант 2. Широкая пластина браслета украшена двумя одинаковыми орнаментальными композициями, разделёнными круглыми выпуклыми щитками. Каждая композиция оформлена в виде трёх поперечно расположенных линий небольших кружков, крайние из которых соединены двумя кантиками, проходящими под острым углом через центральный кружок центральной линии (орнамент в виде «косого креста»).

Размеры браслета: 11,0x7,2 см. Ширина

1,8-2,0 см. Толщина 0,2 см. На поверхности браслета хорошо просматриваются следы воздействия сильного огня, что привело к оплавке металла, особенно на одной из сторон (рис. 10,3-4; 11,2).

Весьма сходный орнамент известен на браслетах из с. Стретовка Ржищевского р-на (Киевское Поднепровье) и с. Лука Таращанского р-на на Киевщине (Поросье) [Terenozhkin 1952, ris. 28,4-5; 29,2].

Есть мнение, что овальные пластинчатые браслеты были наручными и одевались выше локтя,

поддерживая одежду [Terenozhkin 1961, 161]. Однако отмечено и то, что некоторые из них, судя по размерам, носили ниже локтя руки [Poltavets 2009, 25] или на кисти [Klochko, Vasina 2004, 194, ris. 3].

Круглые браслеты в составе данногоклада представлены тремя(?) экземплярами: один из них целый, от второго сохранилась значитель-

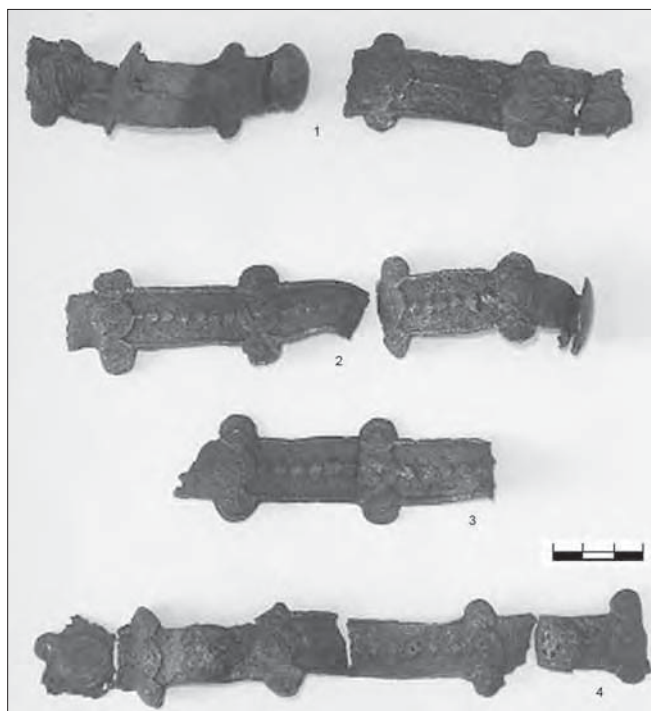

Рис. 9. Фрагменты пластинчатых овальных браслетов 1-го типа, 4-го варианта.

Fig 9. Fragments of plate oval bracelets of the first type, fourth version.

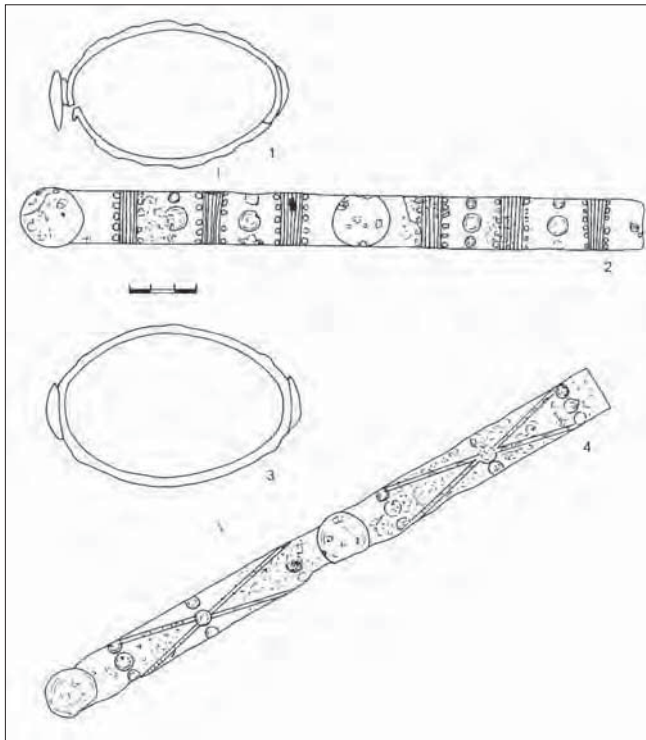

Рис. 10. Пластиначатые овальные браслеты 2-го типа: 1-2 – первый вариант; 3-4 – второй вариант.

Fig. 10. Plate oval bracelets of the second type: 1-2 – first version; 3-4 – second version.

ная часть (восстановлен), от третьего – два обломка. Эти браслеты, в отличие от овальных, отливались не в виде пластины, а целиком.

Они могут быть отнесены к двум основным типам.

Тип 1. Довольно узкий браслет, плоская поверхность которого покрыта рядом горизонтальных параллельных узких жгутов, украшенных ёлочным орнаментом.

Представлен двумя слегка различающимися вариантами.

Вариант 1. Упомянутая орнаментация целого экземпляра дополнена поперечной планкой с двумя небольшими полукругами, выступающими на 0,6-0,7 см за пределы пластины. Диаметр браслета внешний примерно 6,7 см. Ширина пластины браслета 2,0, толщина 0,1 см. Браслет был помят плугом и разломан на две части. Восстановлен в ходе реставрации. Орнамент просматривается чётко, внутренняя часть украшения заполирована. На браслете видны следы воздействия огня (рис. 12,3; 13,2).

Вариант 2. Основная орнаментация браслета аналогичная, но по краям – выступы в

виде двойных спиралевидных окружностей или бегущей волны. От браслета (или браслетов?) сохранились лишь два фрагмента длиной 4,5-4,8 см. Ширина неясна (рис. 12,4-5).

Обломки литейных форм, в которых изготавливались подобные браслеты, известны на Суботовском городище, в бассейне р. Тясмин [Terenozhkin 1961, 115, рис. 81,6а-6б; 116, рис. 82,6]. Значительная часть такого браслета найдена у с. Витачов в Киевском Поднепровье [Terenozhkin 1952, 162, рис. 109,1].

Тип 2. Широкий, хорошо сохранившийся браслет, украшенный восемью горизонтальными параллельными жгутами, из которых по два с каждой стороны орнаментированы «ёлочкой». Дополнительный декор – по две маленькие спирали с противоположных сторон браслета, дополненные в одном случае небольшой круглой выступающей бляшкой, расположенной по центру и вписывающейся в общий орнамент наручного украшения. Внутренний диаметр браслета 6, внешний 6,4 см. Ширина пластины браслета 2,5, а с учётом выступающих спиралей 3,6, толщина пластины 0,2 см (рис. 12,1-2; 13,1). Склады-

Рис. 11. Пластиначатые овальные браслеты 2-го типа: 1 – первый вариант; 2 – второй вариант.

Fig. 11. Plate oval bracelets of the second type: 1 – first version; 2 – second version.

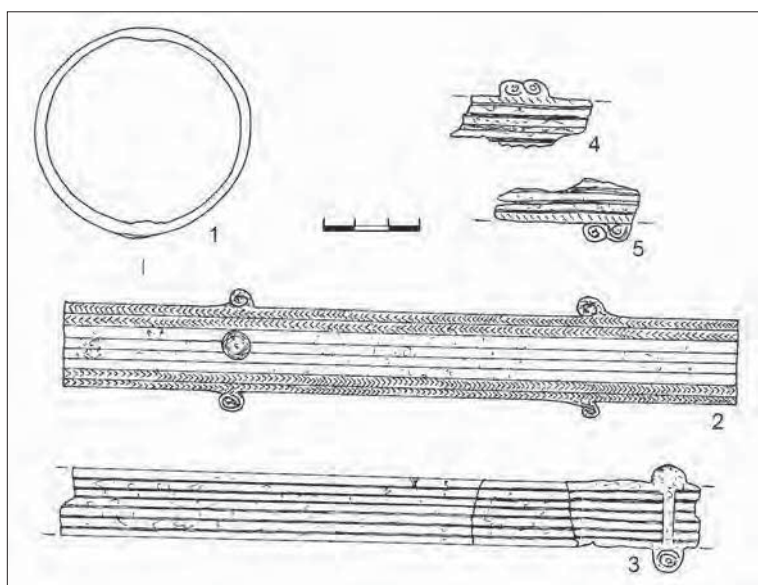

Рис. 12. Пластина́тые круглые браслеты: 1-2 – 2-ой тип; 3 – первый вариант 1-го типа; 4-5 – второй вариант 1-го типа.

Fig. 12. Plate circular bracelets: 1-2 – second type; 3 – first version of the first type; 4-5 – second version of the second type.

вается вполне определённое впечатление, что подобные браслеты имитировали проволо́чные многовитковые нару́чные украшения. Аналогии таким браслетам пока нам не известны.

Подобные круглые пластина́тые браслеты, несомненно, носились на кисти руки. Учитывая их небольшой диаметр и отсутствие застёжки (браслеты, напомним, цельнолитые), можно предположить, что их надевали на руку с детства, и они впоследствии являлись несъёмными украшениями на протяжении жизни.

Фрагменты нескольких литых браслетов суботовского типа были известны в Приднепровской Террасовой Лесостепи и ранее. Так, один из них, имеющий аналогии на Суботовском городище, был найден в Золотоношском р-не [Terenozhkin 1952, 95, ris. 29,6], другой браслет – у с. Лепявы Каневского р-на Черкасской области [Terenozhkin 1952, 94; 1961, 163, ris. 110,7].

Кроме того, подчеркнём, что ещё два пластина́тых браслета суботовского типа, помимо входящих в публикуемые клады, обнаружены не столь давно в Среднем Потрубье. Один из них, состоящий из трёх частей, найден на песчаной, хорошо выделенной дюне, в заплаве левого берега р. Трубей, справа от моста

через эту речку, по дороге Волчков – Семёновка-Леяки. Ориентир по JPS: N 50°11'53.2", E 031°30'21.6". Экземпляр достаточно близок одному из браслетов второго клада. У него также рифлёный орнамент не выходит за пределы пластины. При этом он включает в себя группы поперечных кантов, находящихся на равном удалении (рис. 23,1-2). Различия этих браслетов незначительны. Ширина пластины браслета 2,1-2,2, толщина 0,1 см. Вполне аналогичен данному браслету по характеру рифлёного орнамента фрагмент украшения, найденный у с. Лука Таращанского р-на Киевской области (Поросье) [Terenozhkin 1952, 93, ris. 28,1]. Достаточно близок, но не идентичен по орнаментальной композиции, и браслет, обнаруженный у с. Бобрица Каневского р-на Черкасской области (Поросье) [Terenozhkin 1952, 87, ris. 27,3].

Обломок второго браслета найден также на песчаной дюне левого берега р. Трубей,

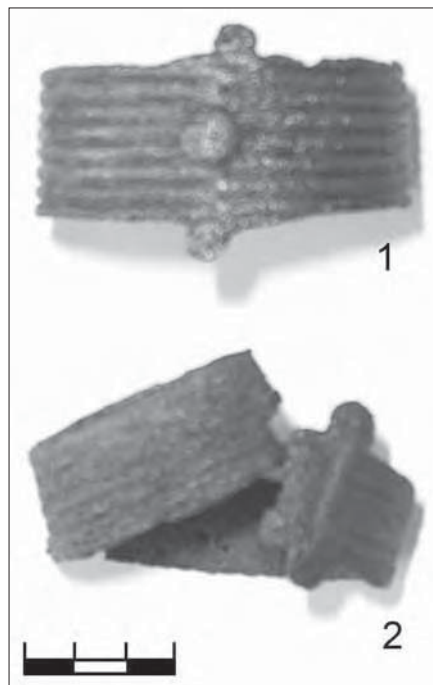

Рис. 13. Пластина́тые круглые браслеты первого (2) и второго (1) типов.

Fig. 13. Plate circular bracelets of the first (2) and second (1) types.

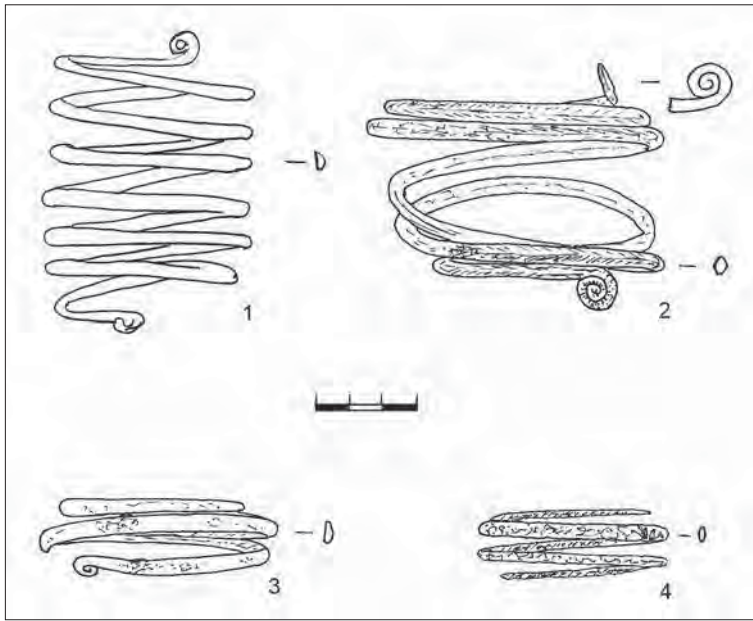

Рис. 14. Проволочные пружинные многovitковые браслеты: 1-3 – со спиралевидными концами; 4 – острыми концами.

Fig. 14. Wire spring multi-turn bracelets: 1-3 – with spiral ends; 4 – with sharp ends.

возле шлюза №3, напротив хутора Ленино. Ориентир по JPS: N 50°10'42.2", E 031°31'40.3". У браслета также рифлёный орнамент не выходил за пределы пластины, но отличается своеобразием. Фрагмент имеет длину 4,0, при ширине 1,8 и толщине 0,2 см. Орнамент на сохранившейся части достаточно прост: по краям пластины – рельефные бортики, ещё один бортик, украшенный прямой насечкой, расположен в центре пластины, отходя от спирального(?) диска, расположенного по всей ширине пластины (рис. 23,3). Прямая аналогия – браслет, найденный в бывшем Золотоношском уезде Полтавской губернии, т.е. в Левобережной Террасовой Лесостепи [Terenozhkin 1952, 94, рис. 29,6].

Вопрос о происхождении столь яркой категории изделий чернолесской культуры, каковыми являются пластинчатые браслеты суботовского типа, довольно сложный и давно обсуждается в специальной литературе, по крайней мере, со времени А.М. Таллгрена [Tallgren 1926, 204-206], и не входит в число задач настоящей работы. Отметим лишь, что недавнее обстоятельное его рассмотрение привело, на наш взгляд, к вполне обоснованному выводу о том,

что найти конкретные истоки происхождения украшений этого типа пока невозможно: подобия форме украшений, их орнаментике представлены достаточно выразительно как в древностях кобанской культуры Кавказа, так и в Карпато-Дунайском регионе, прежде всего – лужицкой, висоцкой культур [Poltavets 2013, 205-214]. Иными словами, браслеты суботовского типа являются симбиозом различных культурных традиций конца эпохи бронзы – начала раннего железного века, хотя, на первый взгляд, воспринимаются как яркое самобытное явление чернолесской культуры Среднего Поднепровья.

Время производства браслетов суботовского типа в Среднем Поднепровье, по последним данным, охватывает хронологический горизонт не менее чем в 100 лет и относится к позднему этапу чернолесской культуры. Начало его связывают с периодом интенсивной металлообработки на эпонимном Суботовском городище – с конца IX в. до н.э. [Lysenko 2004, 256; Poltavets 2013, 200], распространяя процесс производства таких украшений на весь VIII в. до н.э. [Poltavets 2013, 200, 213].

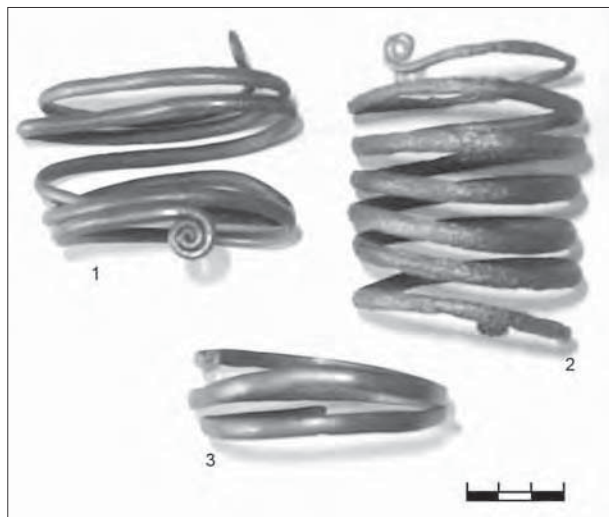

Рис. 15. Проволочные пружинные многovitковые браслеты со спиралевидными концами.

Fig. 15. Wire spring multi-turn bracelets with spiral ends.

Сопоставление дизайна пластинчатых браслетов, происходящих из Среднего Поднепровья (а их распространение охватывает территорию от севера Кировоградской области до южной части Киевской области), позволило выделить три территориальные группы этих украшений, разнящихся по орнаментике – киево-поднепровскую, поросскую и тясминскую, при этом в первых двух украшения достаточно близки между собой. За этим видится некое этнографическое разнообразие чернолесского населения, проживающего на указанных территориях, и соответственно – наличие конкретных металлургических центров [Poltavets 2009, 26; 2013, 200]. Любопытно, что в публикуемых кладах, найденных вне указанных территорий, в Приднепровской Террасовой Лесостепи, присутствуют пластинчатые браслеты, свойственные по орнаментике, прежде всего, упомянутым киево-поднепровской и поросской группам. Лишь круглые пластинчатые браслеты находят аналогии и в киево-поднепровской группе, и в тясминской (там известны обломки форм для изготовления таких браслетов).

Различие в размерах пластинчатых браслетов, на наш взгляд, может свидетельствовать в пользу их изготовления по индивидуальным заказам. Возможно, этим обстоятельством в некоторой степени объясняется и разнообразие, украшающих браслеты орнаментов, соответствующее определённым эстетическим вкусам их владельцев.

Проволочные пружинные многовитковые браслеты

Два из них обнаружены в кладе №1 (рис. 14,2-3; 15,1,3), ещё два – в кладе №2 (рис. 14,1,4; 15,2).

Браслеты изготовлены путёмковки и кручения.

Относятся к одному типу, но представлены двумя вариантами.

Вариант 1. Многовитковые браслеты, окончания которых (одно или оба) закруглены в виде спиралей. Два целых экземпляра найдены в кладе №1, третий – в кладе №2. Один из браслетов, в три оборота, диаметром 7 см, изготовлен из проволоки (ширина 0,4-0,5 см), внутренняя сторона которой ровная, а внешняя – слегка выпуклая. Один из концов

браслета оформлен в виде спирали, иной – заострённый (рис. 14,3; 15,3). Другой браслет, более массивный, в пять оборотов, диаметром 6,5-6,6 см, из шестигранной в сечении проволоки (ширина 0,5 см), имеет на обоих концах сплюснутые спирали (рис. 14,2; 15,1). Браслет слегка помят, вероятно, при вспашке плугом. Третий экземпляр, происходящий из клада №2, изготовлен из такой же проволоки, но отличается ещё большим количеством оборотов – семь. Он также снабжён спиралевидными концами. Диаметр браслета 6 см. Ширина проволоки различна, но по большей части до 0,5 см (рис. 14,1; 15,2).

Аналогичные многовитковые браслеты со спиралевидными окончаниями известны уже в белогрудовской культуре Днепровского Лесостепного Правобережья [Terenzhkin 1961, 157-158, рис. 104,2], встречаются они и на более западных территориях, в частности довольно широко – в области высоцкой культуры [Sulimirski 1931, 96, tab. XXIV,16; Bandrivs'kii 2014, 224, рис. 100,9; 228, рис. 102,7].

Вариант 2. Браслет в 1,5 оборота, диаметром 5,6 см, изготовлен из довольно тонкой проволоки (ширина 0,3-0,4 см), ровной изнутри и слегка выпуклой снаружи. Концы не имеют каких-либо украшений, заострены (рис. 14,4). Входил в состав клада №2. Подобные браслеты широко известны в памятниках чернолесской культуры, прежде всего, Днепровского Лесостепного Правобережья [Terenzhkin 1961, 168, рис. 111,3], хорошо представлены, например, на Суботовском городище [Terenzhkin 1961, 158-159, рис. 105,8; 106,6-8]. Зафиксированы они и в иных местах, в частности в уже упоминаемом кладе 1886 г. близ г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области, на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи [Kovranenko 1967, 47, рис. 19,10]. Следует заметить, что сходные пружинные, многовитковые браслеты известны довольно неплохо для предскифского времени и на других территориях, например, в высоцкой культуре [Bandrivs'kii 2002, 57, рис. 23,6; 86, рис. 29,1-4] и на Северном Кавказе в древностях начала раннего железа [Belinskii, Dudarev 2015, 249, рис. 220; 366, рис. 260].

Говоря о наручных украшениях, следует упомянуть и два небольших, вероятно, детских, браслета, весьма простого исполнения, в виде

незамкнутого кольца. Один из них с внутренним диаметром около 3,6х4,4, внешним – 4,1х4,7 см. Ширина полуовальной в сечении пластины 0,5 см. Концы браслета округлые. Он был поломан на две части и восстановлен в ходе реставрации (рис. 16,2). Другой браслет очень тонкий, с ориентировочным диаметром до 4,7 см. Концы сильно заострены (рис. 16,1).

В области чернолесской культуры нам неизвестны именно такие украшения, но они нередко встречаются в степных предскифских новочеркасских комплексах Северного Причерноморья, близких по времени [Makhortykh 2005, 86, ris. 30,32,37], в памятниках висоцкой культуры Прикарпатья [Bandrivs'kii 2002, 52, ris. 21,6], в древностях начала раннего железного века на Северном Кавказе [Erlikh 2007, 393, ris. 218,1,3-4; Belinskii, Dudarev 2015, 114, ris. 99,6], а также хорошо известны в памятниках предскифского периода Подунавья [Kemenczei 2005, Taf. 30]. При этом подчеркнём, что среднеевропейские браслеты, по сути, абсолютно ничем не отличаются от экземпляра, присутствующего в публикуемом кладе.

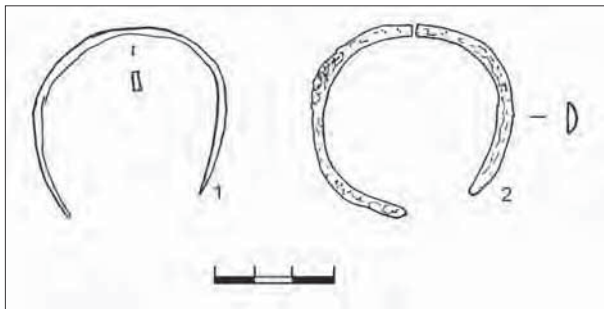

Рис. 16. Проволочные браслеты с незамкнутыми концами.

Fig. 16. Wire bracelets with open ends

Подвески

Все они близки по исполнению и имеют треугольную или подтреугольную форму (пять экз.). Одна из подвесок сохранилась почти целиком (обломана слегка верхняя часть), остальные в той или иной степени фрагментированы. Подвески изготовлены из листовой бронзы путём обрезания по контуру. Две из них (целая и одна из фрагментированных), относительно широкие подвески, были украшены по бокам и в центре рядами вертикального пуансонного орнамента, а снизу, горизонтально – более

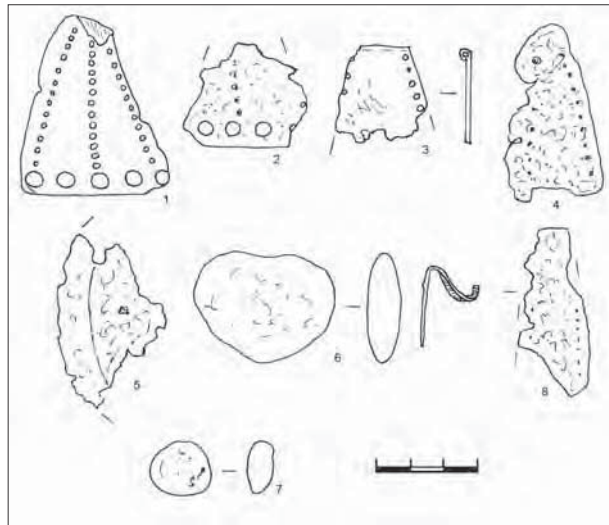

Рис. 17. Разнообразные изделия: 1-4, 8 – подвески; 5 – фрагмент дисковидного фалара (?); 6-7 – слитки бронзы.

Fig. 17. Various items: 1-4, 8 – pendants; 5 – fragment of discoid phalar (?); 6-7 – bronze ingots.

крупными выпуклинами (рис. 17,1-2; 18,1-2). Три иные, более узкие подвески, декорированы лишь мелким пуансонным орнаментом по краям изделий (рис. 17,3-4,8; 18,3-5). Верхний край у двух из них был закруглённо загнут, вероятно, для продевания бечевы, на которой носились подвески (рис. 17,3,8; 18,3-4). Размеры сохранившегося в высоту экземпляра 5,7х4,2 см (рис. 17,4; 18,5).

Абсолютно идентичные подвески были обнаружены в 1946 г. в составе клада у с. Залевки Смелянского р-на Черкасской области, в бассейне р. Тясмин [Tret'iakov 1949, 233, рис. 7,3-5]. Залевкинский клад датировали в своё время концом VIII – началом VII вв. до н.э. [Pokrovs'ka 1952, 48], позже относили ко второй ступени чернолесской культуры [Terenzhkin 1976, 74, ris. 40,6-8]. Ныне его время определяют концом IX – началом VIII вв. до н.э. или к первой фазой древностей новочеркасского типа, по В.И. Козенковой [Kozenkova 2004, 76, ris. 3,III].

Аналогичная по форме подвеска, также имеющая пуансонный орнамент, нанесённый по большей части поверхности, происходит из Среднего Поднепровья и хранится в Национальном музее истории Украины (из коллекции А.А. Бобринского) [Terenzhkin 1961, 170, ris. 112,8; 172].

Бликие по форме и размерам, но не идентичные бронзовые подвески, украшенные по

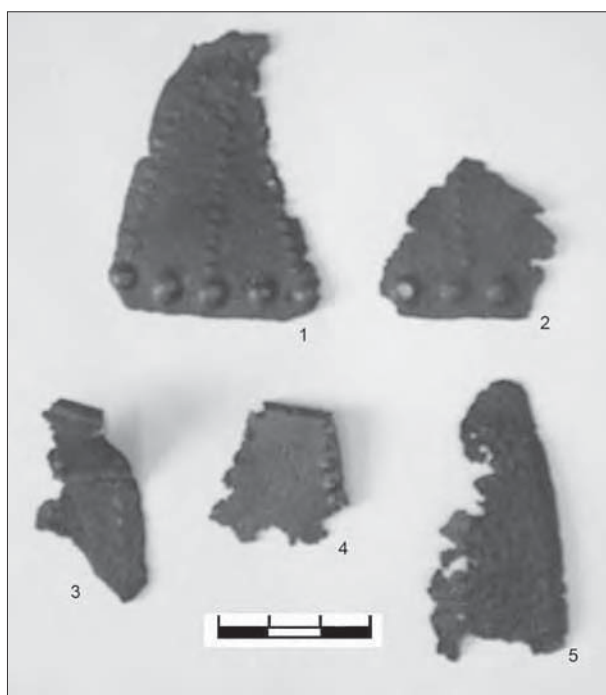

Рис. 18. Подвески, украшенные пуансонным орнаментом.

Fig. 18. Pendants, decorated with piercer ornament.

всей поверхности мелким пуансонным орнаментом, известны среди предметовклада, найденного в Среднем Приднестровье, у г. Шепетовка Хмельницкой области (IX – начало VII в. до н.э.) [Klochko, Kozymenko 2011, 124]. Стоит также отметить, что подвески подобной формы, но украшенные по-иному, известны в древностях гальштаттской культуры [Äberg 1931, Abb.143-144].

Предметы конской упряжи

Представлены пятью предметами – парой псалиев, шлемовидной бляхой, пронизью для перекрестных ремней, круглой бляхой (рис. 19; 20).

Псалии трёхмуфтовой схемы или так называемого «цимбальского» типа [Terenozhkin 1976, 151], которые иногда также называют трубчатыми, имеют прямой, плавно изогнутый сверху стержень с тремя отверстиями, оформленными тремя муфтами и с двумя одинаковыми грибовидными шляпками – сверху и снизу стержней. Длина псалиев 14,7, диаметр стержня 0,7-0,9, диаметр отверстий 0,9 см. Диаметр верхних грибовидных головок 1,2, нижних – 1,5 см (рис. 19,1-2; 20,1-2). Стержень одного из псалиев слегка изогнут, возможно,

задет плугом при вспашке.

Такие псалии крайне малочисленны на территории Украины и юга России [Val'chak 2009, 66]. Собственно говоря, в Украине нашим псалиям лишь в определённой степени подобны экземпляры из эпонимного кургана Малая Цимбалка у с. Большая Белозорка Каменско-Днепровского р-на Запорожской области (Нижнее Поднепровье), и в более значительной степени – пять экземпляров, найденных в составе кладов или случайно в Западной Украине – у с. Голиграды Залещицкого р-на Тернопольской области (Западная Подолия) [Chochorowski 1993, 198, ris. 42,1-3] и у с. Медыня Галицкого р-на Ивано-Франковской области (Прикарпатье) [Bandrivs'kii 2008, 141, 143, ris. 7,4-5].

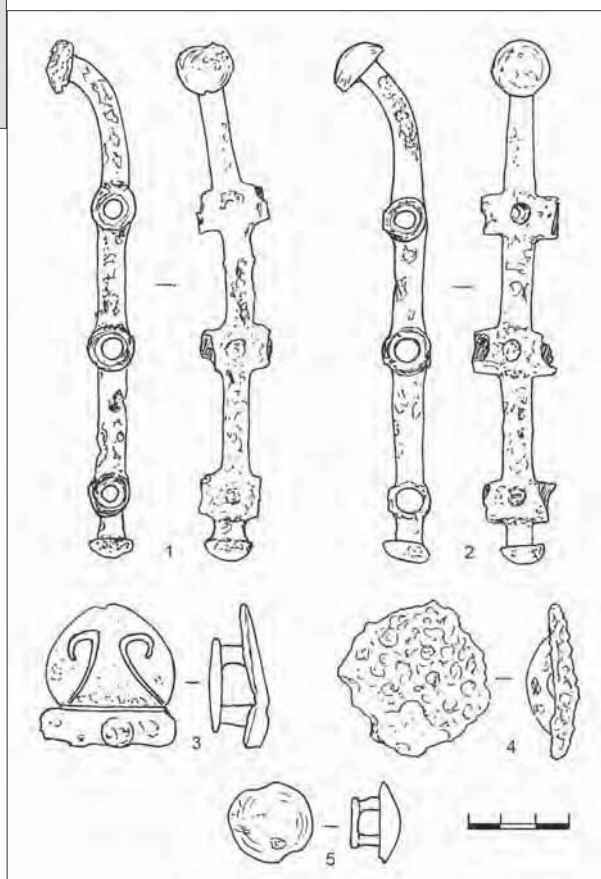

Рис. 19. Детали конского снаряжения: 1-2 – псалии типа «Dunakömlöd-Füzesabony»; 3 – шлемовидная бляха; 4 – круглая бляха; 5 – пронизь для перекрестных ремней оголовья.

Fig. 19. Details of horse equipment: 1-2 – cheek-pieces of “Dunakömlöd-Füzesabony”; 3 – hooded plaque; 4 – round metal plate; 5 – bead for head cross-belts.

Псалии из Малой Цимбалки, по периодизации А.И. Тереножкина, относятся к черногоровской ступени предскифской (киммерийской культуры) или в абсолютной хронологии IX – первая половина VIII вв. до н.э. [Terenzhkin 1976, 54, ris. 24,1-2; 151, 153, ris. 88; 199, 208]. В качестве черногоровских видит указанные псалии и ряд иных специалистов, в том числе С.В. Махорты, относящий Малую Цимбалку ко второму периоду развития черногоровской культуры или второй половине IX – первой половине VIII вв. до н.э. [Makhortykh 2005, 83, ris. 27,13-14; 255, 263]. Нужно отметить, что экземпляры из Малой Цимбалки не совсем подобны псалиям нашего клада, поскольку не имеют подобного им изгиба и шляпок на нижних концах. Псалии этого типа в несравненно большем количестве встречаются в памятниках предскифского времени на иных территориях – на Северо-Западном Кавказе, а точнее в Закубанье [Erlikh 2007, 128-129, 374, ris. 193; Val'chak 2009, 82-83, 247-249, ris. 60-63], где, по данным В.Р. Erlikha, сосредоточено до 40% таких псалиев [Erlikh 2007, 129], а также – в Средней Европе, где число подобных псалиев весьма значительно [Chochorowski 1993, 67, ris. 2,8-11; 67, ris. 3; Makhortykh 2003, 96, ris. 24,5; 99, ris. 27; 102, ris. 30,1-4; 103, ris. 31,8,14,17-18; 104, ris. 32; 119, ris. 47,9,11; 126, ris. 54,5; 127, ris. 55, 7,10; 128, ris. 56,7-8; 130, ris. 58,9; Kemenczei 2005, Taf. 2, A2-3, B2-3; Taf. 8, A3, B7-8; Taf. 19, B4-7; Taf. 20, 8-13; Taf. 21, 1-4; Taf. 32, 4-7; Taf. 36, 1-4; Taf. 37, 1-2]⁵.

При этом следует заметить, что псалиям, входившим в состав нашего второго клада, наиболее близки вовсе не экземпляры, найденные в кургане Малая Цимбалка в Нижнем Поднепровье и довольно многочисленные подобные предметы, обнаруженные в северокавказском регионе. Наибольшее сходство они имеют с целым рядом *среднеевропейских* трёхмуфтовых или трубчатых псалиев, в числе которых, прежде всего – находки из Венгрии, Румынии [Chochorowski 1993, 57, ris. 2,8-9; 67, ris. 3; Makhortykh 2003, 96, ris. 24,8; 102, ris. 30,1-3; 103, ris. 31,17-18; 104, ris. 32; Kemenczei 2005: Taf. 2, A2-3, B2-3; Taf. 8, A3, B7-8; Taf. 19, B4-7; Taf. 20, 8-13; Taf. 21, 1-4; Taf.

32,4-7; Taf. 36,1-4; Taf. 37,1-2] и с упомянутыми пятью экземплярами, обнаруженными в Западной Украине. Подчеркнём, что абсолютно аналогичны нашим экземплярам среднеевропейские трубчатые псалии, выделенные Я. Хохоровским в тип «Dunakömlöd», в частности их ранний вариант «Füzesabony», или псалии «Dunakömlöd-Füzesabony» [Chochorowski 1993, 62, 67, rys. 3,8]. По мнению польского исследователя, совпадающему с представлениями ряда предшественников, среднеевропейских специалистов, псалии типа «Dunakömlöd» сложились в Средней Европе на основе восточноевропейских экземпляров типа «Малая Цимбалка» и получили там широчайшее распространение [Chochorowski 1993, 62, 67, ris. 3,9]. Я. Хохоровски при этом не исключает, что некоторая часть таких псалиев могла попасть в Восточную Европу. И тут уместно заметить, что упомянутые ранее западноукраинские трубчатые трёхмуфтовые псалии вполне определённо относят к центральноевропейскому кругу трубчатых псалиев [Metzner-Nebelsick 1994, 381]. Подчеркнём, что псалии «Dunakömlöd-Füzesabony», по Я. Хохоровскому, могут быть соотнесены с концом НаВ2 – началом НаВ3, что по мнению современных специалистов, в абсолютной хронологии соответствует тем или иным временным отрезкам, например, 950-900/900-850 гг. до н.э. [Trachsel 2004, 316-319], или, как полагает Я. Хохоровски, концу X – первой половине IX вв. до н.э.⁶ Укажем, что в своё время Г. Мюллер-Карпе относил появление трубчатых псалиев в Средней Европе к IX в. до н.э., а бытование их доводил до середины VIII в. до н.э. [Müller-Karpe 1959, 128]. Любопытно, что в свете этих хронологических построений, восточноевропейские псалии типа «Малая Цимбалка» должны датироваться значительно более ранним временем, нежели это отражено в современных работах по предскифскому времени в Восточной Европе.

В контексте рассуждения о генезисе трубчатых трёхмуфтовых псалиев в Средней Европе не лишним будет вспомнить мнение ряда исследователей о том, что бронзовые псалии (близкие, но не идентичные, по ряду признаков Ма-

5. В Средней Европе существует обширная литература, посвящённая происхождению и датировке «трубчатых» трёхмуфтовых псалиев, начиная от работ С. Галуса-Т. Хорвата. Её обзор см. [Козенкова 1975, 59].

6. Искренне благодарим за любезную консультацию проф. Яна Хохоровского, который ознакомился с изображением наших псалиев и высказал свои соображения по поводу их классификации и датировки.

лой Цимбалке), появились впервые именно на территории Средней Европы, сложившись на основе ассиметричных более ранних, восточноевропейских костяных псалиев типа Жирноклевский-2 – Весёлая Долина. Затем они были заимствованы населением Восточной Европы, прежде всего – Северного Кавказа, в среде которого возник тип (или версия) «Малая Цимбалка» [Val'chak, Mamontov, Sazonov 1996, 38]. Впрочем, точки зрения – об автохтонном генезисе данного типа псалиев или о кавказском их происхождении, высказывались в средневропейской литературе давно и каждая из них имеет как сторонников, так и противников (см. обзор: [Kozenkova 1975, 59]). По нашему представлению, учитывая масштабное распространение подобных псалиев именно в Продунавье, мнение об автохтонном генезисе этих деталей предскифской узды и дальнейшем проникновении их в Восточную Европу имеет право на существование. Как бы там ни было, но, на наш взгляд, псалии, входящие в состав второго клада близ с. Леляки на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи, несомненно, являются импортными средневропейскими изделиями.

Шлемовидная бляха в виде полукруглой пластины, расположенной на узком прямоугольном щитке. Украшена двумя желобками, поднимающимися снизу вверх и имеющими в конце симметричные волюты. В центре нижней, прямоугольной пластины – небольшой выпуклый кружок. С обратной стороны бляхи – довольно массивная петля для перекрещивающихся ремней. Бляха имеет лёгкую выпуклость. Высота предмета 4 см, максимальная ширина по нижнему прямоугольному щитку 3,5 см (рис. 19,3; 20,3).

Подобные бляхи могли использоваться в конской узде предскифского времени в качестве как налобной бляхи, так и нащёчных [Terenozhkin 1976, 179; Kozenkova 1995, 108]. В нашем случае, учитывая наличие петли для перекрещивающихся ремней, бляха, несомненно, являлась налобной. Как и псалии цимбальского типа, шлемовидные бляхи относятся к черногоровским древностям, являясь одним из характерных элементов конской узды указанного периода.

Существует несколько, в деталях различающихся типологий этих изделий [Val'chak,

Mamontov, Sazonov 1996, 34; Val'chak, Tarasova 2004, 40; Makhortykh 1999, 171], но, в любом случае, бляхи, близкие публикуемой, выделяют в отдельный тип или вариант, сочетающий в себе вытянуто-овальный верхний и прямоугольный нижний щитки и орнамент на верхнем щитке в виде двух симметричных волут.

По мнению С.Б. Вальчака и Н.В. Тарасовой, если такие бляхи рассматривать шлемовидной стороной вниз, они семантически могут трактоваться в виде стилизованной головы быка и генетически восходить к более ранним изображениям эпохи поздней бронзы. Но это, конечно, не более, чем предположение [Val'chak, Tarasova 2004, 42].

Несколько «шлемовидных» блях, близких нашей бляхе, но не идентичных ей по исполнению и орнаменту, известно в украинской Лесостепи. Три случайные находки происходят из Среднего Поднепровья и хранятся ныне в Национальном музее истории Украины [Terenozhkin 1976, 73, рис. 39,5-7; 76, рис. 42,8-9], ещё одна бляха найдена в бассейне Северского Донца (пос. Коломак) [Makhortykh 2003, 125, рис. 53,10]. В значительно большем количестве представлены подобные детали конского оголовья на территории Прикубанья и Северного Кавказа [Makhortykh 2003, 125, рис. 53,4,6-7,12-13; Erlikh 2007, 379, рис. 199]. Между тем, прямых аналогий нашей бляхи нет и в указанном регионе. Показательно, что более близки публикуемой бляхе по форме и исполнению некоторые экземпляры, обнаруженные в предскифских древностях Средней Европы (Штильфридский клад; могильник в Мезочате, погребение №15) [Makhortykh 2003, 124, рис. 52,22-23; Kemenczei 2005, Taf. 5,C1]. Отличия их крайне незначительны. Правда, средневропейские бляхи имеют намного меньшие размеры.

Часть шлемовидных блях, известных в Восточной Европе, и в целом близких публикуемой бляхе, происходит из хорошо датируемых предскифских комплексов Северного Кавказа, относящихся к новочеркасскому времени, в частности ко второй половине или концу VIII в. до н.э. [Makhortykh 1999, 170], что, вероятно, приемлемо и к бляхе из нашего клада.

Пронизь для перекрёстных ремней оголовья принадлежит к четвертому типу пронизей, по классификации В.Р. Эрлиха: про-

низь – обойма с плоским щитком [Erlikh 2007, 138]. Она имеет вид небольшого столбика с отверстиями для ремней оголовья, покрытого сверху круглой, слегка выпуклой шляпкой. Высота изделия 1,2, размеры в нижней части 1,2x1,2, диаметр шляпки 2,4 см. Шляпка по краям слегка повреждена (рис. 19,5; 20,4).

Следует сказать, что указанные пронизи свойственны как для предскифского времени, в частности черногоровского этапа, так и для более позднего периода, например, раннескифского, причём ареал их довольно широк. Абсолютно идентичные пронизи известны в черногоровских древностях Северного Причерноморья [Makhortykh 2005, 84, ris. 28,3; 155, ris. 58,4-6], в Закубанье, на Северном Кавказе [Erlikh 2007, 138, 258, ris. 60,3; Valchak 2009, 235, ris. 48,5-6], в памятниках конца IX-VIII вв. до н.э., в значительном количестве представлены в древностях периода НаВЗ Средней Европы [Chochorowski 1993, 101, Abb. 8,1,3-4; Kemenczei 2005, Taf. 14,42-44; Taf. 15,16-17]. При этом в ряде случаев они сочетаются с трёхмуфтовыми псалиями, описанными выше [Kemenczei 2005, Taf. 20,8-13, 16-17; Taf. 36,1-4,7-15].

Для раннескифского времени, в частности для второй половины VII в. до н.э., можно упомянуть пронизи, найденные в кургане №6 (погребение №1) у с. Яснозорье в бассейне Роси, в Днепровском лесостепном Правобережье [Kovranenko, Bessonova, Skoryi 1994, 55, ris. 6,6].

Круглая, слегка выпуклая бляха, с массивной дуговидной петлей на оборотной стороне имеет ярко выраженные следы пребывания в огне в виде оплавленности части металла, особенно по краю. Сохранившийся диаметр бляхи 4, ширина петли 2,5, высота 0,8 см (рис. 19,4; 20,5).

Подобные круглые бляхи, относящиеся к деталям конского оголовья, не имеют узкой даты и известны как в предскифское время, так и на протяжении всей скифской эпохи. Для предскифского времени они зафиксированы в ряде погребений новочеркасской группы в ареале степного Северного Причерноморья [Makhortykh 2005, 212, ris. 115,8; 238, ris. 141,12,14-15], украинской Лесостепи [Terenozhkin 1976, 72, ris. 38,1-8; 78, ris. 45,10-14; Skoryi 1999, 120, ris. 14,29,39], хорошо представлены на Северном Кавказе [Erlikh 2007,

Рис. 20. Детали конского снаряжения: 1-2 – псалии типа «Dunakömlöd-Füzesabony»; 3 – шлемовидная бляха; 4 – пронизь для перекрестных ремней оголовья; 5 – круглая бляха.

Fig. 20. Details of horse equipment: 1-2 – cheek-pieces of “Dunakömlöd-Füzesabony” type; 3 – hooded plaque; 4 – bead for head cross-belts; 5 – round metal plate.

376, ris. 195,1-13; Val'chak 2009, 261, ris. 74,2], при этом в отдельных случаях подобные круглые бляхи конского оголовья соседствуют со шлемовидными бляхами, о которых речь шла выше (например, могильник Фарс/Клады, погребение №13) [Leskov, Erlikh 1999, 107, ris.15,11-12], дата которого определяется в рамках первой половины – третьей четверти VIII в. до н.э. [Leskov, Erlikh 1999, 71]. Достаточно хорошо известны подобные круглые бляхи и в предскифских древностях Средней Европы [Kemenczei 2005, Taf. 2,4; Taf. 7,4-6; Taf. 15,68-69; Taf. 20,18; Taf. 34,5].

Возможно, к деталям конского снаряжения принадлежит обломок от предмета, судя по всему, округлой, дисковидной формы. По краю его проходит выделенный бортик шириной до 0,8 см. Фрагмент сохранился в длину на 5 и ширину на 3,2 см (рис.17,5). В определённой степени данный предмет похож на бронзовые дисковидные *бляхи-фалары*, известные в предскифских погребениях Средней Европы [Kemenczei 2005, Taf. 51,4,7]. Наличие фраг-

мента бляхи в составе клада говорит о предназначении его для переплавки.

Орудия труда

Представлены кельтом (клад №1) и долотом (клад №2).

Кельт одноушковый, с круглой втулкой, обведённой узким ободком, стройным прямым клином, шестигранным в сечении, слегка расширяющимся к лезвию. Украшен несколькими горизонтальными линиями у ободка, а ниже – ёлочный орнамент в четырёх вертикальных секторах. Лезвие имеет следы зазубренности и сработанности. Сверху ободок втулки слегка расклёпан. Длина кельта 11,5, ширина лезвия 3 см. Внутренний диаметр втулки 2,4, диаметр ободка 3,3 см. С двух сторон кельта хорошо виден шов, свидетельствующий об отливке изделия в двухстворчатой форме (рис. 21,1; 22,1).

Данный экземпляр относится к типичным кельтам чернолесской культуры, которые достаточно широко представлены в Среднем Поднепровье [Terenozhkin 1961, 125-126, рис. 80], в том числе найдены на Суботовском городище, в составе одного из кладов 1955 г. [Grakov, Terenozhkin 1958, 175, рис. 11,2; Lysenko 2004, 257, рис. 2]. Литейные формы для отливки сходных кельтов с ёлочным орнаментом найдены у сёл Подгорцы Киевской области [Terenozhkin 1961, 112, рис. 78,2] и Рыжовка Уманского р-на Черкасской области [Khraban 1971, 86, рис. 6,1]. Отсутствие подобных кельтов на иных территориях Европы делают вполне убедительным предположение, что они являлись местными изделиями, свойственными именно чернолесской культуре. По большому счёту, одноушковые кельты с ёлочным орнаментом, как и пластинчатые браслеты суботовского типа, являются наиболее характерными металлическими изделиями чернолесской культуры.

Долото втульчатое, желобчатое, небольших размеров, со слабо конической, ничем не оформленной втулкой, сужающейся к рабочей части, и расширяющимся лезвием. Втулка в одном месте имеет небольшой

разрыв-повреждение. Конец лезвия – со следами сработанности в виде выемок. Длина долота 6,7, максимальная ширина лезвия 1,7 см. Внутренний диаметр слегка овальной втулки 1,8х1,6, внешний – 2,0х1,8 см (рис. 21,2; 22,2). Подобные долота достаточно хорошо известны по случайным находкам в Среднем Поднепровье, и, по мнению А.И. Тереножкина, являются местными изделиями, хотя конкретно определить их время, во всяком случае, к началу 1960-х гг. было невозможно [Terenozhkin 1961, 146-147, рис. 97,8-10]. Долото, абсолютно идентичное экземпляру из публикуемого клада, найдено у с. Малый Букрин на Киевщине [Terenozhkin 1961, 146, рис. 97,8]. Ныне вполне очевидно, что подобные долота входили в круг орудий труда чернолесской культуры.

Слитки бронзы в кладах предскифского времени встречаются редко. В нашем случае их два. Один, больший, подовальной формы размерами 4,3х3,2х0,7 (рис. 17,6), второй, меньший, округлой формы, размерами 1,8х1,6х0,5 см (рис. 17,7). В кругу упомянутых чернолесских кладов нам известны лишь два случая нахождения слитков бронзы в составе вещей: в

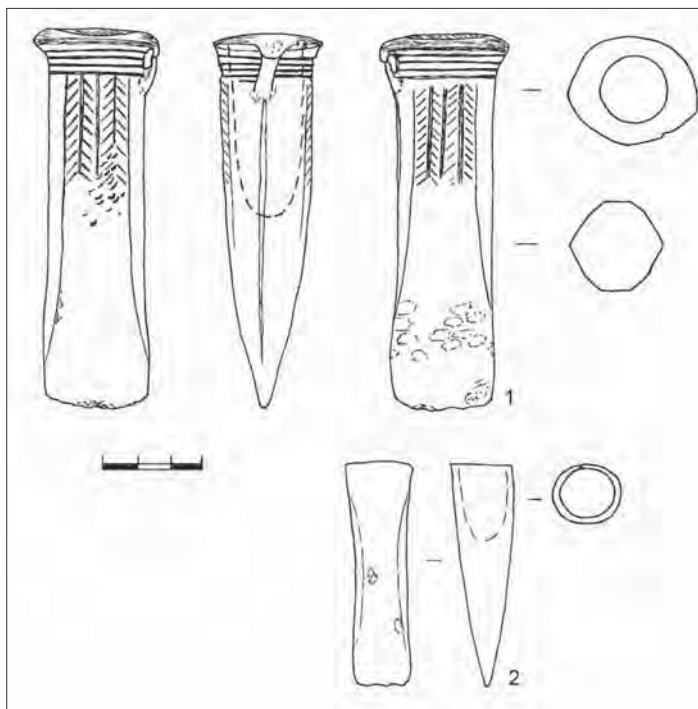

Рис. 21. Орудия труда: 1 – одноушковый кельт чернолесского типа; 2 – втульчатое долото.

Fig. 21. Labour tools: 1 – Chernyi Les type one ear socket axes; 2 – socketed chisel.

Рис. 22. Кельт чернолесского типа и втульчатое долото.

Fig. 22. Chernyi Les type socket axes and chisel.

Залевкинском кладе (выразительный слиток) [Tret'iakov 1949, 238, ris. 7,21] и в кладе 1971 г. на Суботовском городище (несколько миниатюрных слитков) [Lysenko 2004, 246]. Можно полагать, что наличие в кладах слитков бронзы, помимо общего состояния вещей, является определённым индикатором того, что данные предметы предназначались для *переплавки*.

Крайне любопытно присутствие среди вещей клада, по меньшей мере, шести предметов (пяти пластинчатых браслетов и круглой большой бляшки от конского оголовья), с ярко выраженными следами воздействия огня. В своё время находки браслетов суботовского типа с подобными признаками трактовались А.И. Тереножкиным, как результат воздействия на них сильного огня в ходе кремации человеческих останков [Terenozhkin 1961, 43-44]. Нельзя этого исключать и для указанных находок из публикуемых кладов. Как же объяснять в таком случае наличие этих предметов в кругу вещей, большинство из которых не имеет никаких следов обожжённости? На наш взгляд, можно осторожно предположить, что упомянутые предметы попали в состав кладов в результате ограбления каких-то чернолесских погребений,

выполненных по обряду кремации. Подобная ситуация не представляется такой уж не реальной, если вспомнить, с одной стороны, о нехватке металла для литейщиков указанного периода, а, с другой стороны, о расположении кремаций с бронзовыми вещами – на небольшой глубине. При этом совершенно не обязательно считать, чтобы подобными ограблениями занимались непосредственно мастера-литейщики.

О дате сокрытия кладов

Предметы, входящие в состав кладов у с. Леляки в Приднепровской Террасовой Лесостепи, не составляют единый хронологический пласт и, по-видимому, отражают некий процесс накопления вещей. Наиболее ранние находки – провололочные пружинные браслеты со спирально закрученными концами (белогрудовское время). Трёхмуфтовые псалии могут быть размещены в хронологическом диапазоне второй половины X – первой половины IX вв. до н.э., треугольные подвески характерны для конца IX – начала VIII вв. до н.э. Основное количество находок укладывается в рамки конца IX – VIII в. до н.э. Похоже, что наиболее поздней находкой в кладах является шлемовидная бляха: она относится ко второй половине – концу VIII в. до н.э. Видимо, этим временем и можно ориентировочно определять время сокрытия кладов в земле.

Как известно, по поводу трактовки кладов существуют две основные точки зрения. По одной из них, те или иные предметы прятались в период опасности с целью последующего изымания их владельцами. Согласно другой точке зрения, предметы, входящие в состав кладов, представляли собой некие ритуальные комплексы и их сокрытие в земле осуществлялось с определённой культовой целью (см. обзор точек зрения: [Makhortikh 1996, 9]).

Ряд кладов, чаще бронзовых, реже железных предметов кочевнического облика предскифского времени (обычно принадлежности конского снаряжения или вооружения), иногда содержащих ломаные вещи, вполне справедливо рассматриваются как совокупность изделий, предназначенных для переплавки, т. е. так называемые клады литейщиков [Makhortykh 1999, 12].

Тезис о некоем культовом характере большинства кладов эпохи бронзы-раннего железн

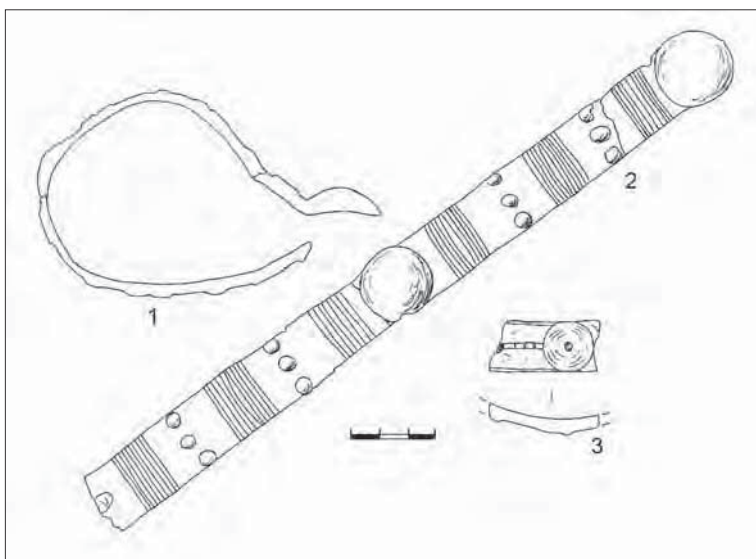

Рис. 23. Браслеты суботовского типа – случайные находки на песчаных дюнах левого берега р. Трубезж.

Fig. 23. Bracelets of Subotovsky type – accidental finds on the sandy dunes of the left bank of the Trubezh river.

ного века нашёл отражение в некоторых новейших работах [Ivanova 2011, 62-64; Bandrivs'kii 2014, 177-185].

Что же касается кладов чернолесской культуры, и в частности тех, которые обнаружены на Суботовском городище, то также высказывалось мнение об их ритуальном характере, своего рода неких жертвоприношениях социально-престижных вещей на определённых, условно сакральных участках поселения [Gershkovich 2003, 43-46; 2008, 38; Lysenko 2004, 260]. Возможно, это соответствует действительности.

В нашем же случае, увы, нет оснований трактовать подобным образом публикуемые чернолесские клады. Как уже указывалось ранее, они найдены вне поселения. Состав кладов – довольно пёстрый. Это касается как набора вещей (украшения, предметы конской упряжи, орудия труда), так и происхождения находок. При этом, если подавляющая часть вещей свойственна именно лесостепным древностям предскифского времени (при этом, к примеру, присутствующие в кладах пластинчатые браслеты находят аналогии, прежде всего, в Поросье и Киевском Поднепровье, некоторые известны на Тясмине; ряд предметов обычен для территории всего Среднего Поднепровья), то отдельные предметы (детали конского снаряжения)

больше характерны для степных кочевнических древностей, более того – указывая на несомненные связи с Карпато-Подунавьем.

Полагаем, что следы обожжённости, оплавленности некоторых предметов кладов и присутствие в их составе слитков бронзы наводят на вполне определённую мысль о том, что предметы, входящие в состав кладов, предназначались для переплавки, т.е. являлись – также, как и ряд степных кладов с кочевническими вещами – кладами литейщиков.

Клады у с. Леяки и приведённые выше примеры случайных находок браслетов суботовского типа, на наш взгляд, отражают один их этапов продвижения правобережных племён чернолесской культуры на Левобережье Днестра, с освоением промежуточной территории – Приднепровской Террасовой Лесостепи. В последние годы здесь, в частности в бассейне р. Трубезж, обнаружена достаточно выразительная керамика чернолесского и жаботинского времени. Речь идёт, в частности, о пунктах у с. Цибли Переяслав-Хмельницкого р-на [Rozdobud'ko 2003, 33-36], у с. Остролучье (урочище Остролівка) [Kostenko 2015, 331-333, 343, рис. 4; 348-349, рис. 9-10].

При этом, как представляется, это не было движение правобережных племён в бассейн Ворсклы или более южные районы левобережной Лесостепи.

По-видимому, указанные керамические находки, как и публикуемые клады металлических вещей и отдельные находки браслетов суботовского типа в бассейне Среднего Трубежа, более ярко, чем считалось ранее, маркируют перемещение чернолесского населения по террасе, на северо-восток, в южный ареал племён лебедовской культуры. Вероятно, этим чернолесским населением являлись представители киевской и поросской локальных групп, наиболее близких территориально к району р. Трубезж, пересекавшие Днестр в районе каневских переправ, путём, функционировавшим как в эпоху бронзы, так и в более позднее, скифское время [Bessonova, Poltavets 2015, 23, рис. 2, VI]. Как полагают неко-

торые исследователи, подобная активизация правобережных предскифских племён решительным образом сказалась на исторических

судьбах лебедовского населения: часть его была оттеснена на север, часть ассимилирована пришельцами [Berezanskaia 1976, 218-219].

Бібліографія

- Äberg 1931:** N. Äberg, *Bronzezeitliche und Früheisenzeitliche Chronologie. Teil II. Hallstattzeit* (Stockholm 1931).
- Bandrivs'kii 2002:** M. Bandrivs'kii, *Mogil'nik v Petrikovi bilia Ternopolia v konteksti pokhoval'nogo obriada visots'koï kul'turi* (L'viv 2002) // М. Бандрівський, Моги́льник в Петрикові біля Тернополя в контексті поховального обряду висоцької культури (Львів 2002).
- Bandrivs'kii 2014:** M. Bandrivs'kii, *Etnokul'turna situatsiia na zakhodi Ukraïni u postgavs'kii chas: goligrads'ka kul'tura i pam'iatki latoritskoï grupi (problemi khronologii i periodizatsiï)*. In: *Materiali i doslidzhennia z arkheologii Prikarpatia i Volini* 12, 2008, 127-161 // М. Бандрівський, Етнокультурна ситуація на заході України у постгавський час: голіградська культура й пам'ятки латорицької групи (проблеми хронології й періодизації). Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 12, 2008, 127-161.
- Bandrivs'kii 2014:** M. Bandrivs'kii, *Kul'turno-istorichni protsesi na Prikarpati i Zakhidnomu Podilli v piznii period epokhi bronzi – na pochatku dobi rann'ogo zaliza* (L'viv 2014) // М. Бандрівський, Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи – на початку доби раннього заліза (Львів 2014).
- Belinskii, Dudarev 2015:** A.B. Belinskii, S.L. Dudarev, *Mogil'nik Klin-Iar III i ego mesto sredi drevnostei Kavkaza i Iugo-Vostochnoi Evropy nachala rannego zheleza* (Moskva 2015) // А.Б. Белинский, С.Л. Дударев, Моги́льник Кли́н-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа (Москва 2015).
- Berezanskaia 1976:** S.S. Berezanskaia, *Lebedovskaia kul'tura epokhi bronzy v lesostepnoi Ukraine*. In: *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy* (Kiev 1976), 190-221 // Березанская С.С. 1976. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине. В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины (Киев 1976), 190-221.
- Bessonova 2015:** S.S. Bessonova, *Nakhodka brasletov subotovskogo tipa u s. Zakutintsy v Poros'e (raskopki E.F. Pokrovskoi v 1963 g.)*. In: *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku. Arkheologii i davnia istoriia Ukraïni* 2 (15) (Kiïv 2015), 169-176 // С.С. Бессонова, Находка браслетов суботовского типа у с. Закутинцы в Поросье (раскопки Е.Ф. Покровской в 1963 г.). В сб.: Старожитности раннего железного века. Археология и древняя история Украины 2(15) (Київ 2015), 169-176.
- Bessonova, Poltavets' 2015:** S.S. Bessonova, V.I. Poltavets', *Shliakhi spoluchennia v baseinu Tiasmina na pochatku dobi zaliza*. In: *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku. Arkheologii i davnia istoriia Ukraïni* 2 (15) (Kiïv 2015), 21-37 // С.С. Бессонова, В.І. Полтавець, Шляхи сполучення в басейну Тясмина на початку доби заліза. В сб.: Старожитности раннего железного века. Археология и древняя история Украины 2 (15) (Київ 2015), 21-37.
- Chochorowski 1993:** J. Chochorowski, *Ekspansja kimmeryjska na tereny Evropy Środkowej* (Kraków 1993).
- Erlikh 2005:** V.R. Erlikh, *K diskussii o meste i vremeni poiavleniia predskifskikh kolesnits*. In: *Drevnosti Evrazii ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamiati V.S. Ol'khovskogo*. (Moskva 2005), 166-182 // В.Р. Эрлих, К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц. В сб.: Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского (Москва 2005), 166-182.
- Erlikh 2007:** V.R. Erlikh, *Severo-Zapadni Kavkaz v nachale zheleznoogo veka* (Moskva 2007) // В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века (Москва 2007).
- Gershkovich 2003:** Ia.P. Gershkovich, *Spetsializovani virobnichi dilianki ta metaloobrobka Subotivs'kogo gorodishcha*. In: *Problemi girnichoï arkheologii (Dopovidi II-go mizhnarodnogo Kartamish's'kogo pol'ovogo arkheologichnogo seminaru)* (Alchevs'k 2003), 43-46 // Я.П. Гершкович, Специализованные производственные участки Суботовского городища. В сб.: Проблемы горничей археологии (Доповіді II-го міжнародного Картамишського польового археологічного семінару) (Алчевськ 2003), 43-46.
- Gershkovich 2008:** Ia.P. Gershkovich, *Spetsializirovannye proizvodstvennye uchastki Subotovskogo gorodishcha*. In: *Starozhitnosti Verkh'n'ogo Pridnistrov'ia. Iuvileinii zbirnik na chest' 60-richchia Iuriia Mikolaiovicha Maleeva* (Kiïv 2008), 37-38 // Я.П. Гершкович, Специализированные производственные участки Суботовского городища. В сб.: Старожитности Верхнего Приднестровья. Юбилейный сборник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малеева (Київ 2008), 37-38.
- Grakov, Terenozhkin 1958:** B.N. Grakov, A.I. Terenozhkin, *Subotovskoe gorodishche (raskopki 1955 g.)*. SA 2, 1958,

- 164-178 // Б.Н. Граков, А.И. Тереножкин, Суботовское городище (раскопки 1955 г.). СА 2, 1958, 164-178.
- Iessen 1953:** A.A. Iessen, K вопросу o pamiatnikakh VIII-VII vv. do n.e. na iuge Evropeiskoi chasti SSSR. SA XVIII, 1953, 49-110 // А.А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. СА XVIII, 1953, 49-110.
- Ivanova 2011:** S.V. Ivanova, Klady bronzovogo veka: funktsii artefaktov i semiotika diskursa. In: Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia, vyp. 12, 2011, 62-85 // С.В. Иванова, Клады бронзового века: функции артефактов и семиотика дискурса. В сб.: Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 12, 2011, 62-85.
- Kemenczei 2005:** T. Kemenczei, Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. PBF Abb. XX. 10 Bd. (Mainz 2005).
- Khraban 1971:** G.Iu. Khraban, Pam'iatki chornolis'koi kul'turi na Umanshchini. Arheologiya 2, 1971, 81-87 // Г.Ю. Храбан, Памятки чернολіської культури на Уманщині. Археологія 2, 1971, 81-87.
- Klochko, Kozymenko 2011:** V.I. Klochko, A.V. Kozymenko, Nash nedavnyi bronzovyi vek (Kiev 2011) // В.И. Ключко, А.В. Козыменко, Наш недавний бронзовый век (Киев 2011).
- Klochko, Vasina 2004:** L.S. Klochko, Z.A. Vasina, Kostium predskifskogo vremeni na territorii Ukrainy. In: Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci (Kraków 2004), 185-198 // Л.С. Ключко, З.А. Васина, Костюм предскифского времени на территории Украины. В сб.: Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci (Kraków 2004), 185-198.
- Kovpanenko 1967:** G.T. Kovpanenko, Plemena skifs'kogo chasu na Vorskli (Kiiv 1967) // Г.Т. Ковпаненко, Племена скифского часу на Ворсклі (Київ 1967).
- Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1994:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Novye pogrebeniia rannego zhelezного veka v Poros'e. In: Drevnosti skifov (Kiiv 1994), 41-63 // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросяе. В сб.: Древности скифов (Киев 1994), 41-63.
- Kozenkova 1975:** V.I. Kozenkova, Svizi Severnogo Kavkaza s Karpato-Dunaiskim mirom (nekotorye arkheologicheskie paralleli). In: Skifskii mir (Kiev 1975), 52-73 // В.И. Козенкова, Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели). В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 52-73.
- Kozenkova 1995:** V.I. Kozenkova, Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistemizatsiia i khronologiya). Zapadnyi variant. SAI B2-5 (Moskva 1995) // В.И. Козенкова, Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ B2-5 (Москва 1995).
- Kozenkova 2004:** V.I. Kozenkova, Drevnosti novoчеркасского tipa: fazy mezhkul'turnykh kontaktov kobanskoi kul'tury. In: Arkheologicheskie pamiatniki rannego zhelezного veka iuga Rossii (Moskva 2004), 66-92 // В.И. Козенкова, Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. В сб.: Археологические памятники раннего железного века юга России (Москва 2004), 66-92.
- Kostenko 2015:** Iu.V. Kostenko, Arkheologichni pam'iatki Seredn'ogo Potrubizhzhia. Pereiaslav-Khmel'nyts'kii // Ю.В. Костенко, Археологічні пам'ятки Середнього Потрубіжжя. Переяслав-Хмельницький.
- Leskov, Erlikh 1999:** A.M. Leskov, V.R. Erlikh, Mogil'nik Fars / Klady (Moskva 1999) // А.М. Лесков, В.Р. Эрлих, Могильник Фарс / Клады (Москва 1999).
- Lysenko 2004:** S.D. Lysenko, Fenomen Subotovskogo gorodishcha. In: Materiali i doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukraïni, vip. 3 (Lugans'k 2004), 249-267 // С.Д. Лысенко, Феномен Суботовского городища. В сб.: Материалы и дослідження з археології Східної України, вип. 3 (Луганськ 2004), 249-267.
- Makhortykh 1999:** S.V. Makhortykh, O predskifskikh shlemovidnykh bliakhakh. In: Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii (k 100-letiiu B.N. Grakova) (Zaporozh'e 1999), 166-171 // С.В. Махортых, О предскифских шлемовидных бляхах. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии (к 100-летию Б.Н. Гракова) (Запорожье 1999), 166-171.
- Makhortykh 2003:** S.V. Makhortykh, Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Kiev 2003) // С.В. Махортых, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).
- Makhortikh 2005:** S.V. Makhortikh, Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 2005) // С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).
- Metzner-Nebelsick 1994:** K. Metzner-Nebelsick, Die Früheisenzeitliche Trensensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa. Regensburger Beiträge zur prähistorischen Archäologie Bd.I (Bonn 1994).
- Müller-Karpe 1959:** H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nördlich und Südlich der Alpen T.1 (Berlin 1959).
- Pokrovs'ka 1952:** E.F. Pokrovs'ka, Poselennia VIII-VI st. do n.e. na Tiasmini. Arkheologiya VII, 1952, 43-65 // Є.Ф. Покровська, Поселення VIII-VI ст. до н.е. на Тясміні. Археологія VII, 1952, 43-65.

- Poltavets 2009:** V.I. Poltavets, Novaia nakhodka brasletov Subotovskogo tipa. Muzeini chitannia (Київ 2009), 24-31 // В.И. Полтавец, Новая находка браслетов Суботовского типа. Музейні читання (Київ 2009), 24-31.
- Poltavets 2013:** V. Poltavets, Braslety subotovskogo tipa (k voprosu o kontaktakh chernolesskoi kul'tury Srednego Podneprov'ia). RA IX, 1, 2013, 198-220 // В. Полтавец, Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья). RA IX, 1, 2013, 198-220.
- Rozdobud'ko 2003:** M.V. Rozdobud'ko, Materiali peredskifs'kogo ta rann'oskifs'kogo chasu z bogatosharovogo poselennia Bile Ozero I na livomu berezi Seredn'ogo Dnipra. In: Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2001-2002 rr. (Київ 2003), 33-36 // М.В. Роздобудько, Матеріали передскіфського та ранньоскіфського часу з богатошарового поселення Біле Озеро I на лівому березі Середнього Дніпра. В сб.: Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. (Київ 2003), 33-36.
- Smirnova, Voinarovs'kii 1994:** G.I. Smirnova, V.M. Voinarovs'kii, Moshanets'kii skarb bronz kimmeriis'kogo tipu z Seredn'ogo Podnistrov'ia. Arkheologiiia 1, 1994, 137-141 // Г.И. Смирнова, В.М. Войнаровський, Мошанецький скарб бронз киммерійського типу з Середнього Подністров'я. Археологія 1, 1994, 137-141.
- Sulimirski 1931:** T. Sulimirski, Kultura wysocka (Kraków 1931).
- Tallgren 1926:** A.M. Tallgren, La Pontide prescethique après l'introduction de metaux. ESA (Helsinki 1926).
- Terenzhkin 1952:** A.I. Terenzhkin, Poseleniia i gorodishcha v basseine reki Tiasmina. KSIIMK XLIII, 1952, 90-93 // А.И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК XLIII, 1952, 90-93.
- Terenzhkin 1954:** A.I. Terenzhkin, Kul'tura predskifs'kogo vremeni v Srednem Podneprov'e (chernolesskii etap). In: Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (Moskva 1954), 94-111 // А.И. Тереножкин, Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап). В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии (Москва 1954), 94-111.
- Terenzhkin 1961:** A.I. Terenzhkin, Predskifs'kii period na dneprovskom Pravoberezh'e (Kiev 1961) // А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Terenzhkin 1976:** A.I. Terenzhkin, Kimmeriitsy (Kiev 1976) // А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).
- Trachsel 2004:** M. Trachsel, Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit (Bonn 2004).
- Tret'iakov 1949:** P. Tret'iakov, Zvit pro arkheologichni doslidzhennia 1949 r. v baseini richok Rosi i Tiasminu. AP 1, 1949, 223-245 // П. Третьяков, Звіт про археологічні дослідження 1949 р. в басейні річок Росі і Тясмину. АП 1, 1949, 223-245.
- Val'chak 2009:** S.B. Valchak, Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n.e. na iuge Vostochnoi Evropy (Moskva 2009) // С.Б. Вальчак, Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы (Москва 2009).
- Val'chak, Mamontov, Sazonov 1996:** S.B. Valchak, V.I. Mamontov, A.A. Sazonov, Rannie pamiatniki chernogorovskogo etapu v Vostochnoi Evrope: proiskhozhdenie i khronologiiia. In: Istoriko-arkheologicheskii al'manakh, vyp. 2 (Armavir-Moskva 1996), 23-44 // С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов, Ранние памятники черногогоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология. В сб.: Историко-археологический альманах, вып. 2 (Армавир-Москва 1996), 23-44.
- Val'chak, Tarasova 2004:** S.B. Valchak, N.V. Tarasova, Semantika shlemovidnykh bliashek i lunnits predskifs'kogo vremeni. II Mezhdunarodnaia konferentsiia „Skify i sarmaty v VIII-III vv. do n.e.”, posviashchennaia pamiati B.N. Grakova (TD. Azov – Rostov-na-Donu 2004), 39-43 // С.Б. Вальчак, Н.В. Тарасова, Семантика шлемовидных блишек и лунниц предскифского времени. II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII-III вв. до н.э.», посвященная памяти Б.Н. Гракова (ТД. Азов – Ростов-на-Дону 2004), 39-43.

Сергей Скорый, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии НАН Украины, проспект Героев Сталинграда №12; Киев; 04210; Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

Юрий Костенко, историк.

Всеволод Борjak, краевед.